

Вадим Булычев

Записки психонавта

Аннотация:

Герой повести бывший рокер, а ныне эзотерик и психонавт.

Датура, гашиш, Ошо, Кришнамурти, медитация – вот пути к «эзотерической свободе, просветлению и божественности». Рядом с главным героем шагают его друзья; такие же богоискатели – психонавты.

«Я сказал: вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы» (Пс. 81: 6)

Мир течет

Обнаруживаю себя на кушетке в караулке. На четвертом посту. Пять утра. На улице еще темень.

Ботинки у меня без шнурков. Странно, куда делись шнурки. Кутерьма что ли пошутил? Ладно, разберемся. А сейчас обойти пост.

На улице легкий морозец, ясные утренние звезды. Хочется допрыгнуть до звезд, минуя все световые годы, пронизывая косное трехмерное пространство...

Что там вчера было?

Пришел Андрей, он же Кутерьма, принес семена Датеры. Так, кажется, она называется. А попросту – дурман, трава дьявола. Я принял одну чайную ложку. Андрей вокруг этих семян чуть ли ни целый ритуал устроил.

Кастанеда, блин...

Долгое время ничего не было (разве что легкое, приятное опьянение). И вдруг онемел язык, стали заплетаться ноги. Я даже немного испугался. Зрачок стал во весь глаз.

Через час онемение языка прошло. Начали ходить ноги. Но страшно захотелось пить. Никогда ничего подобного не переживал. Ощущение будто в теле нет воды вообще.

А потом началось. Первой явилась огромная жаба. Я обнаружил её на куче с углем. Минут пять мы смотрели друг на друга. Взгляд жабы был отрешенно-холодным и одновременно внимательно меня изучающим.

Я молча смотрел на жабу. Что удивительно – ни отвращения, ни страха. Хотя не скажу, что испытываю симпатию к жабам. Тем не менее. Как что-то сместилось в сознании.

Жаба моргнула и потеряла ко мне интерес. Даже отвернулась. А я вспомнил, что пришел сюда набрать уголь.

Наполнил два ведра углем (делая при этом вид, что никакой жабы нет). Понес всё это в караулку. Но напоследок все же обернулся. Жаба была все на том же месте, она смотрела мне вслед. Я уже почти дошел до угла, когда жаба внезапно прыгнула, слилась с ночной темнотой и исчезла.

Только в теплом помещении караулки до меня дошло, что произошло.

Середина февраля! На улице минус! Какие жабы?!

Я кинулся было к Кутерьме, чтобы ему все рассказать. Но Кутерьма сидел на кушетке с таким видом, словно он мне эту жабу и подкинул.

А дальше я опять обнаружил, что язык мне не повинуется. Язык присох к раскаленному небу. Ужасно хотелось пить.

Помню, пил воду прямо из ведра. Вода стекала по подбородку, капала на свитер. А я пил, пил и все никак не мог напиться. И Кутерьма что-то мне говорил. А потом отнял у меня ведро с водой.

Я сел на соседнюю кушетку и ощутил покой и умиротворение. Кутерьма поставил ведро с водой на стул, в нескольких метрах от меня. И сказал мне, чтобы я не пил, а только смачивал рот. И смотрел на воду.

Язык мой заговорил, хоть и не совсем четко. Спросил Кутерьму, что он думает по поводу неправдоподобно большой жабы в феврале.

Кутерьма начал молотить свои кастанедовские заморочки, мол, чувак, у тебя сместилась точка сборки. А при смещенной точке сборки начинаешь воспринимать другие миры, или измерения. Миров огромное количество, они наслаиваются друг на друга, как в луковице.

Я его перебил, сказал, что знаю это давно, из Розы Мира. Андрей мне возразил – я это читал в Розе Мира. А читать и видеть – не одно и то же.

Я ответил, что все это фигня. Видеть, значит, видеть иное. Иные миры. А не жабу на куче с углем.

– Жаба на куче с углем в феврале – тоже представитель иного мира, только мира низшего, инстинктивного, – заверил меня Кутерьма.

Мне стало очень грустно. Почему жаба? – размышлял я. – Почему не явился более благородный посланник. Какая-нибудь птица. Не знаю, кошка на худой конец. Неужели я действительно настолько грешен. Неужели мой ум – теософское болото, как сказал Николай.

Как только я подумал о Николае, он тут же появился, как бы справа, на периферии моего зрения. Николай подвигал своей перекошенной челюстью, а потом сказал в пустоту, поверх меня: «Вадим, ты теософское болото». И исчез.

Странно, но явления Николая меня развеселило. Я рассмеялся. Я знал точно, что Николай не был видением, или посланником – это был типичный глюк моего ума. Образ из болезненной памяти.

Я испытал неведомое мне прежде ощущение отделения от собственного ума. Я мог наблюдать свой ум со стороны! Это открытие принесло мне детскую радость. Какое-то время я парил в невесомости, наблюдая, как думает мой ум.

А потом я увидел как бы сияние, как бы мерцающую рябь. Несколько секунд я фокусировал зрение. Пока не обнаружил, что это мерцает вода в колодце. Вода была чистойшей, словно наполненной светом. И колодец был необычный, как будто из блестящего металла.

Я смотрел на воду и думал о том, что в основании мира лежит текучесть. Мир течет. Рядом с нашим миром текут другие миры, сообщаются друг с другом, сияют, как вода в колодце.

В какой-то момент я понял, что колодец – это проход в другие измерения. Надо только нырнуть в него. Прежде чем нырять, я опустил в чистые воды колодца свои руки. А потом нырнул в колодец и поплыл.

Внезапно меня озадачила мысль: я в воде, а сухой. Как такое возможно?!

И в миг все исчезло, как в сказке. Очнулся в дымной, нечистой караулке. Держусь обеими руками за ведро с водой. У меня страшно кружится голова, меня шатает. В животе холодная мерзкая тяжесть. Я чувствую – меня вот-вот стошнит.

Едва успел выбежать на улицу. Выпитые литры воды потоком хлынули из меня. Ещё минут десять тело содрогали мучительные конвульсии.

Из караулки выбежал Андрей, помог мне подняться и дойти до кушетки.

Опустившись на мягкие подушки, тут же закрываю глаза.

Я страшно устал, смертельно устал. Но я знаю точно: мир действительно течет.

Да, потом я пытался рассказать Кутерьме о своем видении колодца. И опять язык меня не слушался. Собрав последние остатки сил, я только смог с трудом произнести:

– Я лягу. Ты пока не спи. Если что, буди.

– Нет проблем, – ответил мне Кутерьма.

Я развязал шнурки. Две небольшие пестрые змейки ползли по моим рукам. Я быстро скинул их, куда-то в сторону печки. И завалился спать. Последнее, что помню, истощный смех Кутерьмы.

И больше ничего.

Витамин на кране с водой

От вчерашней слабости и следа не осталось. Наоборот, во всем теле этакая звенящая бодрость – необычное состояние. Ты вроде как еще пьян, еще под действием; и в то же время, кажется, что так трезво и ясно, так прозрачно на мир никогда не смотрел.

И пить почти не хочется. Коварная штука эта трава дьявола. Кстати, почему ее ещё и так называют, надо Андрея спросить.

Бодро обхожу охраняемую мной территорию. «В Багдаде все спокойно». Возвращаюсь в караулку, растапливаю печь, умываюсь – да, зрачок глаза еще сильно расширен, надо спросить Андрея, как долго все это будет?

Бужу Кутерьму.

Сидим, пьем чай. Спрашиваю про шнурки. Кутерьма хихикает. Оказывается, я свои же собственные шнурки вчера в печь отправил, принял за змей. Вот дела.

Подозрительно разглядываю кружку с чаем.

Ни на что положиться теперь нельзя. Любая вещь может превратиться во что угодно. Весь этот так называемый здравый смысл, такая вздорная штука.

Предметы (и не только предметы) – текут и меняется. А в обычном ведре может уместиться целый колодец! Дверь в Иное. Пожалуй, вот единственный смысл, который я вчера уяснил...

Что?! Кутерьма утверждает, будто я вчера со стенкой разговаривал. Врет, наверное. А вдруг не врет? Но почему я тогда этого не помню. Совсем не помню!

Нет, не врет. Он записал слово, которое я постоянно повторял во время своего «общения» со стенкой.

Олирна.

Олирна – название одного из прекрасных миров из «Розы Мира». Вряд ли это слово знает Кутерьма.

Это не все! Я разулся и стал рваться на улицу. Ходить босиком по снегу. Андрей меня, конечно же, пускать не хотел. Я злился. Обзывал Андрея сатанистом, доказывал, что должен обязательно пройти босиком по снегу, дабы войти в воды Олирны. И что меня ждут на улице невидимые друзья сердца, которые не оставляют следов на снегу.

Кончилось тем, что меня пришлось запереть. Под конец я обозвал Андрея дьяволопоклонником и завалился спать.

Вот, блин, как неудобно. Неужели все это правда?

– Андрей, ты уж меня извини.

– Чувак, – Кутерьма весело хлопает меня по плечу, – не бери в голову, и не такое бывает, при первом приеме. Лично я посильнее тебя гнал. Домой без обуви, денег, рубашки пришел. Два квартала всю ночь шел. Точнее, полночи шел, а полночи бегал от трехметрового Шивы с горящим третьим глазом и реальных ментов.

– Так что ты себя еще прилично вел... Ты вот что, ты лучше расскажи, что ты там вчера видел.

Рассказываю все, что видел. Начиная от жабы и кончая колодцем.

– Все забудь, – подводит итог Кутерьма. – Жаба, шнурки-змеи, сигареты магические, хе-хе: фигня, вещи второстепенные. Декорации. Главное... главное, чувак, переживание воды. Вода. Да, вот твой знак. Ты кто там, Водолей по гороскопу, хотя это было бы слишком примитивное объяснение.

Кутерьма хохочет. Меня охватывает раздражение, непонятно из-за чего.

Тоже мне нашелся Дон Хуан. Достали со своим Кастанедой: точка сборки, знаки, остановка мира, нет добра, нет зла... Впрочем, последнее он не говорил.

Смотрю на часы. Полчаса до окончания моей смены. Пора прощаться. Надо еще в караулке убрать.

Кутерьма словно мои мысли прочитал.

– Ладно, пойду сдаваться маме. Спасибо за ночлег... А ты, – Андрей пристально

смотрит мне в глаза, – смотри, сегодня осторожно. Еще может быть действие. Так что никуда не ходи. И главное, не пей водку.

– А завтра?

– Завтра уже все будет нормально. Но к водке, вообще спиртному, лучше несколько дней не прикасаться... А так, чувак, все лучше, чем я думал. Датура тебя приняла. Растение капризное и далеко не со всеми оно так. Некоторых просто тупо и некрасиво глючит, а у некоторых вообще ничего, только куча болезненных ощущений.

– Датура, – повторяю я, – красивое название. Латынь, что ли? А почему не дурман?

– Дурман, – скривился Кутерьма, – оскорбительно звучит, не хочу обижать растение.

– Хорошо, а почему его, или её, еще травой дьявола называют?

– Ну, чувак, людям свойственно все то, что они боятся и не понимают, причислять к дьявольскому... Ладно, – Кутерьма поднимается и достает из кармана сложенный листок бумаги, – я пошел. Советую тебе найти свое растение. Я тут зарисовал, как оно выглядит.

– Ну, щас же зима?

– Вот я как раз и зарисовал, как оно зимой должно выглядеть. Датура неплохо сохраняется. Как сухостой. Еще год может простоять. А зерна годами хранятся. Так что ищи. Смотри на пустырях. Здесь, в порту, очень может быть. Давай...

Витамин сидит прямо на кране с водой, болтает ножками.

– Привет, – говорю я ему, – что ты там уселся, давай, слезай.

Витамин молча смотрит на меня и продолжает, словно идиот, болтать ножками.

– Ладно, не хочешь, не надо. А я тебе вот что скажу, – провожу рукой по теплой голубоватой воде, – ты знаешь, что такое Датура?

Витамин понимающе молчит.

– Нечего сказать, – снисходительно заключаю я, – правильно, такое на твоих биоэнергетических курсах не преподают.

Блаженно растворяюсь в теплых голубоватых водах. Продолжаю беседу с Витамином:

– Датура, это такое растение, в народе его еще называют... а, впрочем, неважно. Главное, дружище, я вчера очень важный момент понял, метафизический момент.

Делаю многозначительную паузу, с головой ухожу под воду. Вынырываю. Витамин уже не болтает ножками, но сидит все там же – как он умещается. Да и не удобно это, на кранах.

– Мир течет, вот, что я тебе скажу. Вода – самый многозначительный, самый сакральный символ. Читал в Библии, Книга Бытия?

– В начале Творения, когда земля еще была безвидна и пуста и тьма над бездной; Дух Божий уже носился над водой, понимаешь, над водой! Ничего не было, все безвидно и пусто, а воды уже были.

– Вода, дружище, вода – символ, знак Матери-материи! А какое главное свойство воды – текучесть, текучесть! Так и мир течет... То есть, если мы постигнем текучесть этого мира, мы увидим, как сквозь воду, миры иные. Миров много, Витамин, как много разных вод.

Витамин упорно молчит.

– Не вмещает рацию, – торжественно заключаю я. – Ты думаешь я нажрался дури и теперь несу бред? Увы, так думают все материалисты и экстрасенсы. Да, Витамин, маги тоже материалисты, только тонкие.

– Но ты не безнадежен. Кстати, советую, семена Датуры. Очень способствует освобождению от оков рассудка.

– Вот еще о воде, послушай: и создал Бог твердь и отделил воду, которую под твердь, от воды, которая над твердь. Я раньше читал и не задумывался; как это, вода над твердь, под твердь. А это миры, миры, Витамин! Вселенная многослойна, многомерна...

Витамин ехидно хихикает. В руках у него появляется мятая бумажка. Витамин торжественно читает:

*– Я насосом накачал свою душу до небес,
Голова моя висит и шумит она, как лес
Я дышу, как ураган и волну океан –
– Все, теперь я не подлец,
Я великий молодец!*

– Это все, что ты можешь! – почти кричу я. – Витамин, не смей ты меня своими глупыми стишатами. Никакой ты не молодец, пока колдовством своим богопротивным занимаешься, а самый натуральный подлец. Да, подлец! Вся твоя магия: корыстна, утилитарна, бездушна. Да! Что ты на это скажешь?

Вместо ответа Витамин складывает губы в трубочку и начинает издавать мелодичные трели. Звуки кажутся мне смутно знакомыми.

До меня доходит, это же звенит мой телефон. Я у себя дома, в ванной. Никакого Витамина нет. Никого нет! Просто опять началось, как Кутерьма и предупредил.

Медитация

Как по заказу! Уже на следующей смене нашел Датуру. Возле недостроенного, брошенного цеха. Охрана туда почти не ходит (я не исключение). Дальше узкая необитаемая полоска косы и лиман.

Впрочем, сомневаюсь – нашел я, или нашли меня. Я даже и предположить не мог, что в таком месте встретимся.

Хорошо помню, мое внимание привлекли два больших камня у самой задней стенки цеха. Камни эти я и раньше видел. Но теперь отчего-то захотелось их поближе рассмотреть.

Как только добрался до камней, так сразу и увидел растение. В двух метрах от первого камня. Выглядит немного зловеще, честно сказать. Но ведь это давно сухостой – голый лысый стебель, ровно три ответвления и на каждом бутончик с семенами. То, что надо.

Поговорил с растением. Извинился. И дело здесь не в Кастанеде и не в советах Кутерьмы. Я сам, интуитивно, почувствовал, что именно так надо сделать. Когда я подошел к растению, я знал точно – оно живое, мертвое только с виду – видит меня, слышит меня.

Датура растение обидчивое. Варварское отношение к себе не прощает.

Два бутончика полностью просыпались. А один оказался целым. Зернышки только не темно-коричневые, почти черные, как у Кутерьмы, а наоборот, светлых, коричневых тонов.

Поблагодарив Датуру, аккуратно высыпал зерна в спичечный коробок.

Отлично! Теперь у меня есть свои семена. Остается только вопрос, где и как их принять. И вот этот простой, с виду, вопрос разрешился не сразу.

Во-первых, исчез опять Кутерьма. А кроме как ему, я никому не хочу доверять свой психоделический опыт. Андрей Кутерьма мне не друг; так, хороший старый знакомый, по рокерским временам. Было время, Андрей играл на гитаре и пел песни. А потом увлекся Кастанедой и психоделиками. Так что ничего бы и не было у меня без Кутерьмы.

А вот мой друг Иван как раз эту тему не поддерживает. Мол, глупость все это, малолетство, глюки, дурь и т.п. Уж лучше, если так приперло поэкспериментировать, колес наглотаться. А еще лучше дней десять поголодать, тогда уже ничего не надо будет.

В который раз Иван убивает меня своим беспробудным житейским прагматизмом. И это при всей мистической одаренности. Иван рассуждает о Датуре примерно так же, как и гопота. Но Иван же не гопник!

Про остальных: Витаминов, Цеппелинов, Сатанов, Морбитов и т.д. умолчу. Приглашать эту тусовочную публику домой или на работу; значит, заранее ставить на своем опыте жирную точку.

Можно, конечно, самому, аккуратно, дома. Предельно уменьшить порцию. Но почему-

то от приема Датуры дома словно что-то отворачивает.

Помыкавшись с неделю, отнес коробку с зернами на работу. Спрятал в своем шкафу и забыл, временно, о ее существовании.

У меня пошла медитация! Видимо, что-то там пробилось, в высших центрах.

Ивану удалось приобщить меня к этому процессу. Но удалось потому, что что-то во мне самом сдвинулось, после приема Датуры.

К Николаю я идти наотрез отказался. Но выяснилось, что группа людей из его общины, проводит дополнительные медитации дома у Наташи. Той самой, что когда-то поставила мне подножку.

Медитировали втроем – я, Иван и Наташа. Я возблагодарил Творца, что больше никого из общины не оказалось. Наташа, на удивление, вопросов лишних мне не задавала и о «великом мудреце» Николае, слава Богу, не говорила. Видимо, Иван подготовил почву.

Все произошло довольно быстро. Мы сели друг напротив друга. Погрузились в медитацию. Минут через десять я почувствовал, как со мной происходит нечто.

Моё тело начало ритмично раскачиваться. Движения поначалу напоминали круговые, затем тело стало ритмично покачиваться вперед и назад.

Меня захлестнула волна блаженства. Блаженство стало едва переносимым, я ощутил, что вылетаю из своего собственного тела через затылок.

В какой-то момент я увидел себя со стороны. И тут же жутко испугался. И влетел обратно в тело. От испуга я стал часто дышать.

Тут уже перепугались мои напарники. Наташа быстро схватила меня за руки. Необычное состояние прошло.

Когда мы с Иваном вышли на улицу, я почувствовал едва уловимый запах фимиама, разлитый в воздухе. Счастью моему не было предела. Я ощущал себя заново рожденным существом, духовным человеком.

С этого дня я стал заниматься медитацией регулярно. Я полностью завязал с алкоголем и даже почти бросил курить! Да, таких экстатичных медитаций, как у Наташи, у меня больше не повторялось. Но зато я научился (ну, почти) останавливать «внутренний диалог».

Я перестал быть одним целым со своим умом. Я научился наблюдать его со стороны.

Почти каждая медитация приносила успокоение и эмоциональный восторг. Один раз видел яркий фиолетовый свет. И несколько раз ощущал чувство безмолвного парения.

Так продолжалось почти три месяца. А потом, как оборвало. Сколько я ни старался, медитация перестала приносить плоды. Все хуже было с остановкой «внутреннего диалога». Коварный ум меня перехитрил. Он научился вести диалог на тему остановки диалога. Или ни о чем.

Ватное бессилие овладело всем моим существом. Вместо спокойствия, тишины, «психической невесомости» я стал ощущать тупую сонливость и боль в шее.

На дворе стоял май, сказочная пора, а у меня на душе были осенние сумерки. Я снова стал выпивать. Как евангельский пес, вернулся к собственной блевотине.

Вот тогда-то я и вспомнил о коробочке с «зернами силы».

Радость полета

Решил употребить зерна прямо сегодня на работе. Риск, конечно. Но кто не рискует, тот не пьет духовное вино в райских обителях.

Да, на посту я сегодня один. Только пост мой не считается удаленным, напротив, он по соседству с главной проходной. А на главной проходной наш главный охранник – сухопарый, злобный мужичонка по кличке Геббельс.

Увы. Предыдущего начальника смены, добродушного, сонного еврейчика Давыдыча, уволило портовское начальство. Отчасти благодаря доносам Геббельса.

Классика жанра: Геббельс репрессировал еврея Ключевского. И всем стало не до смеха. Так что я сильно рискую.

К ночи Геббельс наверняка пропустит грамм сто пятьдесят, двести. Будет как угорелый носиться с проверкой по постам, размахивая пустой кобурой от пистолета... Ладно, все сделаем осторожно, Геббельс не поймет ничего.

С трудом дождался вечера. Дозу принял минимальную.

Через пятнадцать минут почувствовал знакомое опьянение и сухость. Резко расширились зрачки. И больше ничего. Только неудержимо клонит в сон. Обволакивает сном. Все сильнее и сильнее. Нет сил сопротивляться.

Я задремал.

Сны необычайно четкие, цветные. Никогда не было такой ясности в сновидениях. Снов много, сны сменяют друг друга с кинематографической быстротой. А иногда даже наслаиваются друг на друга. И тогда я вижу как бы два сновидения одновременно. Или вижу сновидение в сновидении.

Трудно подобрать слова. Нарушены все законы логики и хронологии. Сплошной цветной поток. Но вот из потока мой сновидческий ум выделяет одно сновидение. Его я переживаю с особой яркостью.

Комната. Небольшая, как бы потаенная комнатка. И в ней невообразимая, в обыденной жизни, компания. Компания большая. Но каким-то непонятным образом все свободно умещаются.

Мы сидим возле празднично накрытого стола. Во главе стола лидер «Евангельской общины Роза Мира» Николай. Рядом с ним его люди – Наташа, Константин, Анатолий (почти вся община). Тут же мои старые приятели по рокерским делам – Морбит, Ганс, Цеппелин, Содом... еще кто-то. На заднем плане Иван.

Вот я уже не сижу за столом, а стою возле входа в комнатку. Со мною Содом и Ганс. Мы курим. Николай страшно двигает челюстью.

– Курить, бесам кадить, – говорит Николай.

Передо мной возникает Константин. Молчаливый тихоня-очкарик начинает грубо толкать меня в грудь, выталкивать из комнаты.

– Иди домой, ты не наш, – приговаривает, словно зомби, Константин и продолжает толкать.

Пытаюсь перевести все в шутку. Ведь никаких конфликтов у меня с ним не было. Но меня почему-то не слушается мой собственный рот.

Мычу нечто нечленораздельное. В этот момент Константин выталкивает меня из комнаты вон. Сон обрывается. Дальше начинается реальность. (Лучше бы она не начиналась.)

Обнаруживаю себя на другом конце порта, где-то в полукилометре от того места, где мне положено быть. Я возле той самой проходной, на которой в первый раз употреблял Датуру.

Я растерян, если не сказать больше. Самым непонятным образом покинул свое рабочее место. Зачем? Как? Неужели я страдаю лунатизмом. Но как можно пройти полкилометра в состоянии лунатика?

Боже, что теперь будет?! В любой момент может нагрянуть с проверкой Геббельс. И что я ему скажу? А если он при этом в мои «птичьи» глаза с огромными зрачками заглянет? Поймет, что я под воздействием, невменяем. Тут уже не отделаешься объяснительной. Пожалуй, уволят.

Решаю зайти на проходную, позвонить Геббельсу, сказать, где я сейчас, ну, и что-нибудь придумать.

Нет, это не выход, что я ему скажу? Сказать нечего. Да и охранник на проходной также может меня заподозрить и сдать Геббельсу.

Прикидываю, сколько мне понадобится времени, чтобы добраться до своего поста. В этот момент ко мне приходит решение. Его мне как будто подсказали – надо попытаться

лететь! Попробовать лететь!

Для этого достаточно разбежаться, хорошо оттолкнуться и прыгнуть в сторону мощного прожектора, метрах в пятидесяти от проходной. Как раз по направлению на мой пост.

Терять нечего. Разбегаюсь. Из последних сил прыгаю вверх. И не падаю! Где-то подо мной пронесится столб с прожектором. Я лечу. Лечу в нелепой позе: ногами вперед и вверх. Но лечу.

Ощущение непостижимое. Весь полет продолжается от силы секунд десять.

Повернув голову набок, я вижу, как подо мной на бешеной скорости пронесится пирс со стоящими кораблями, портовые краны, темная громада ремонтного цеха, весовая, портовской сквер, магазин.

Никакого сопротивления ветра я не ощущаю, только приятная ночная прохлада.

Вот и моя проходная. Мой полет замедлился. Я стремительно опускаюсь вниз, прямо сквозь крышу, которую не ощущаю никак.

Я в комнате. Отчетливо вижу самого себя, лежащего на топчане. Еще мгновение, и я вхожу в самого себя, через затылок. Ощущение, будто с большой высоты прыгаю в упругую воду.

Еще через мгновение чувствую, что лежу на топчане, на левом боку, глаза мои открыты. В голове раз за разом прокручивается картинка стремительно-замедляющегося полета, я вхожу в свое тело, как в упругую воду.

Ясно! Теперь все ясно! Вот это да! У меня был настоящий выход из тела. То есть, в то время как физическое тело по-прежнему дрыхло здесь, душа, или эфирное тело обнаружило себя на другом конце порта. А произошло это после того, как некая сила, в образе Константина, вытолкала меня из сновидения.

М-да. Это серьезно. Это не жаба на куче с углем. Да, Кутерьма прав, нужно свое растение, нужно с ним поговорить. А кое-кто смеется надо мной: глюки, глюки все это. Малолетство.

Ничего себе глюки!

Вскакиваю с топчана. Меня переполняют эмоции, фонтаном хлещут мысли.

Где Иван со своим глобальным пессимизмом. Глюки, кайф для малолеток. Эх, Иван, Иван, не ты ли пел несколько лет назад, когда был лидером группы «Редкая Религия».

Прищелкивая пальцами, отбиваю ритм:

- Радость полета, счастье мое

Хоть и в пропасть, но это оно

Лучше не жить, я знаю стойко,

Но все начинается только-только...

Петя эзотерик

Был в гостях у Ивана. Поведал ему свой последний опыт. Мои восторги по поводу возможностей Датуры его только развеселили.

А вот к самому рассказу о выходе из тела Иван уже отнесся серьезней. Впервые за все наше общение я узнал, что у него, оказывается, уже был серьезный эзотерический опыт. Ещё до «Редкой Религии».

И также были выходы из тела. Без всякой наркоты. Есть особые техники.

Я спросил – какие?

Иван сказал, что на этот вопрос лучше ответит Петя-эзотерик.– Ага, Петя-эзотерик и Никита Рязанский. Это что, юмор в стиле Гребенщикова?

– Ну почему юмор, – обижается Иван. – Это тот самый человек, что проводит медитацию в общине Николая. Петя, Петр. Ну, а я его Петя-эзотерик называю. Пора уже и тебе с ним познакомиться. Человек интересный.

А действительно, почему бы не познакомиться – думаю я.

В назначенный час идем в гости к эзотерику. Живет он в ветхом двухэтажном домишке,

возле старого ж.д. вокзала.

Звоним в дверь. На пороге появляется невысокий худощавый человек, лет около тридцати, может чуть больше. Очень приветливо улыбается, жмет руку и в упор, не стесняясь, разглядывает меня.

Глаза у Пети эзотерика немного навывкате – неприятные и холодные, гипнотизирующие. Мне сразу вспомнилась жаба на куче угля. У неё такие же глаза были.

Мимолетно мелькнула смутная мысль, больше как ощущение: зря я поддался на уговоры Ивана, зря я сюда пришел.

Впрочем, поздно сожалеть. Хозяин квартиры широким жестом приглашает нас войти.

Входим.

Полутемный коридор, сбоку кухня. В коридоре кислый запах браги. Запах идет с кухни.

Хозяин квартиры быстро проводит нас в комнату. Видимо, он сам стесняется этого запаха. Но запах говорит за себя – на кухне гонится самогон.

В комнате совсем другая обстановка – приятный полумрак, индийские благовония.

Оглядываюсь.

Небольшой книжный стеллаж. Сразу бросается в глаза «Тайная Доктрина». Две толстых книги. Давно хочу почитать.

На полке, под книгами, небольшая статуэтка Будды. У Будды почему-то красные глаза. На стенах плакаты с индуистскими богами. Прямо передо мной танцует шестирукий индуистский бог с головою слона. Ганеша, кажется.

– Как, нравится? – Иван обводит глазами комнату.

– Да, здесь обстановка довольно эзотерическая. А вот в коридоре чего-то у него попахивает. Он гонит самогонку?

– Да, гонит.

– Как?! Он же эзотерик. Это же несопоставимо. Это же карма?!

– Жить на что-то надо эзотерику. Материальное, так сказать, существование. А карму самогонную он погашает усиленными духовными практиками: гонит, медитирует, медитирует, гонит, – Иван захохотал.

– Да, я его спрашивал о совместимости, – продолжает Иван отсмеявшись. – Меня эта тема интересует лично. Я ведь тоже, представляешь, когда усиленно занимался всеми этими практиками, нигде не работал. Спасал только самогонный аппарат. То есть, тоже гнал и продавал.

– Но меня этот факт сильно задевал, раздваивал просто. Я и бросил практиковать из-за несовместимости духовных практик с самогонноварением. – Иван задумался, видимо ушел в воспоминания.

– Дак, что тебе этот Петя ответил?

– Ах, да. Ответ был гениальным, точно по Ошо. Петя сказал мне: Иван, просто будь. Живи естественно. Кому надо спиться, по карме, сопьются и без тебя. А ты живи настоящим моментом, наслаждайся полнотой... Вот так. И далее в таком духе. Какой хитрец. А? Не то, что я.

– Слушай, попроси у этого эзотерического хитреца Тайную Доктрину почитать. Давно хочу. Но я человек новый, понимаешь. А тебе он даст.

Иван пристально посмотрел на меня и вновь расхохотался:

– И ты хитрец! Признаюсь, я планировал у эзотерика новые книги Ошо брать... Ладно. Чего ради друга не сделаешь. Попрошу.

Появляется Петя-эзотерик. С целым чайным сервизом на подносе. Садимся пить чай.

Петя-эзотерик опять пристально сверлит меня своими выпуклыми «лягушачьими глазами». Как же я это не люблю! Будто под микроскопом изучает, словно разумную плесень.

Чувствую себя зажато. Ёрзаю на стуле – нет, этот кадр обладает какой-то силой. Не очень светлой, кстати.

– У-у-у, дружище, – Петя-эзотерик изображает на лице непринужденно-просветленную

улыбку, как у Ошо, – сколько в нас комплексов, страхов.

Петя-эзотерик смотрит куда-то поверх моей головы.

– Аура в порядке, – говорит он. – Вот только темный сгусток над головой, в левой части. Горловая чakra хорошо развита. Значит, творческая личность. Хорошо. Ну откуда такая зажатость?! Удивительно.

Петя-эзотерик неодобрительно качает головой. Причмокивает губами. Я обреченно думаю о своей неполноценности. Дело спасает Иван. Заводит разговор про общину Николая.

Со слов Ивана выходит, что в общине неспокойно. И виной всему Петя-эзотерик. Часть общины отказывается признавать Николая лидером. Они требуют поставить во главу общины Петю эзотерика.

Вот это новость!

Бунтари считают Николая человеком ума, а не духа. Как человек ума, он не способен достичь просветления и другим его достичь не дает.

Что да, то да – согласен на все сто!

Вот почему вместо настоящей духовной практики в общине одни сплошные разговоры.

И вообще – даешь практику! Даешь медитацию! Даешь нам в лидеры Петра.

Петя-эзотерик вальяжно откидывается в кресле. В руках у него чашечка с чаем. Глаза блестят.

– Иван, ты же знаешь, я ни на что не претендую, я просто живу, – говорит он.

– О, да! – восклицает Иван и подмигивает мне, – я знаю. Просто будь. Естественно и спонтанно.

– Вот-вот, – кивает головой Петя-эзотерик и кидает выпученный гипнотический взгляд на Ивана и меня. – Естественно и спонтанно. А Николай пусть остается лидером, это ведь нужно его раздутому демоническому эго.

Демоническое эго?! Ничего себе! Впрочем, почему бы нет. Гордынька у него ещё та.

Петя-эзотерик прихлебывает из чашечки чай, сладко жмурится (в этот момент он напоминает мне кота). И тут же толкает целую речь о том, как ему безразлична мнимая власть над кем бы то ни было. А вот Николай – это такое чудовище! Спрут. Ложное эго, возомнившее себя богом... Да, все мы боги. Но это нельзя понять умом, как пытается делать Николай...

Странно, чем больше Петя-эзотерик громит Николая, тем больше создается ощущение, что именно на его место он и метит.

Кажется Иван такого же мнения. Сидит себе тихо улыбается в ладошку.

АДС

Внезапный звонок в дверь обрывает обличительную речь. Петя-эзотерик молча выходит в коридор. Через минуту возвращается в комнату, вместе с каким-то молодым парнем.

Парень такого же роста, как и Петя, только плотненький и подвижный. Ещё очень смуглый: у меня даже мелькнула мысль – не индус ли он?

– Знакомьтесь, – обращается ко мне Петя-эзотерик, – наш Гарсон.

– Он шутит, – взвивается Гарсон и протягивает мне руку, – Олег.

– Олег, это ты по паспорту, – невозмутимо отвечает Петя-эзотерик, – а в астрале ты Гарсон.

– А ты, а ты, – Олег коротко взмахивает руками и, видимо не найдя слов, садится на диван.

– О, уже обиделся, – Петя-эзотерик делает удивленное лицо, – раньше не обижался, а теперь обиделся. Комплексы, чувство ложного достоинства, как же, как же.

– Да не обижаюсь я! – почти кричит Олег, – Гарсон, так Гарсон, мне какое дело.

– И все равно обиделся, – Петя-эзотерик снисходительно улыбается, трет указательным пальцем середину лба, – ничего, полезно для духовного роста.

– Есть экзотика неплохая, выйдем? – обращается Олег-Гарсон к Ивану, при этом демонстративно повернувшись спиной в сторону Пети эзотерика.

– А как же, – отвечает Иван, – ещё и Вадика с собой прихватим... Пошли?

Дальше все происходит стремительно. Небрежно попрощавшись с хозяином квартиры, выходим (это ведь все обусловленности ума: здрасти, досвидание). Петя-эзотерик не реагирует никак; он сидит полуприкрыв глаза, как будто его срочно в астрал вызвали.

Не понравился мне этот Петя-эзотерик.

Вышли на свежий воздух, и я вздохнул с облегчением. Бог с ней, с этой Тайной Доктриной. И практики выхода из тела меня не особо интересуют. Не в этом суть. И даже не в видении миров иных суть (хоть и хочется очень их увидеть). Главное, побыстрее стать духовным человеком. Остальное приложится.

Проходим мимо старого ж.д. вокзала. Углубляемся в заросший кустарником пустырь. Олег-Гарсон достает забитую папиросу.

Вот оно что значит под словом «экзотика». Конопля.

Раскурив папиросу, Олег делает глубокий затяжной вдох и передает папиросу Ивану. Иван поворачивается ко мне:

– Будешь?

– Нет, – говорю я, – воздержусь. Медитация мне дороже.

– Станный тип, – обращается Иван к Гарсону, – траву дьявола жрет, а от благородной марихуаны отказывается.

Вместо ответа Гарсон эмоционально машет руками, будто мельница, мычит – мол, не задерживай движение, сгорает.

Ивана уговаривать дважды не приходится. Пока Иван всасывает в себя содержимое папиросы, Гарсон выпускает огромный клуб дыма. Кашляет, причём при кашле с него ещё продолжает выходить дым. В этот момент он напоминает мне маленького индуистского дракончика, простудившегося в наших широтах.

– Ты что, точно эту дурь ел? – спрашивает меня Олег прокашлявшись.

– Это не дурь, – отвечаю я, – это серьёзная тема. У меня и выход из тела был.

Олег с недоверием смотрит на меня:

– Ну ее на фиг, лучше курни.

В этот момент Иван выпускает огромный клуб дыма, кашляет:

– Курни, – просит он меня сквозь кашель, – это тебе не дурь, это почти духовная, утонченная вещь.

При слове «духовная» я едва не взял папиросу. И все же стоически отказался.

Меня интересует только чистый духовный опыт, только чистый духовный опыт, только чистый духовный опыт...

Папироса докуривается без меня.

У Олега глаза становятся мутными, движения ватными. У Ивана все с точностью до наоборот: глаза блестят, руки жестикулируют. Иван почти без остановки говорит.

Олег смеется, при этом его тело вяло покачивается вперед-назад (Гарсон напоминает мне пингвина). Невооруженным глазом видно, что он полностью, от макушки до пят, под влиянием Ивана.

Иван выглядит странно. Ловлю себя на мысли, что передо мною два Ивана. Один необычайно глубоко рассуждает о духовном опыте. Второй безжалостно стебёт того же Петю-эзотерика (в этом месте Гарсон едва не лопаётся от хохота).

Первый Иван незримо перетекает во второго, второй в первого. Целая актерская игра.

Вот только что рассказывал, как Петя при всем своем эзотерическом «просто будь», сохнет нешуточно по красивым молоденьким девочкам. Вот если бы у Николая в общине они были, Петя давно бы его место занял...

Тут же резкий переход на тему Ошо и Кришнамурти. (Гарсон перестает смеяться и жадно вникает, приоткрыв от напряжения рот).

– Мне гораздо больше нравится Кришнамурти, чем Ошо, – вещает Иван. – Ошо все же

немного играет на публику. Кришнамурти нет. Кришнамурти совершенно естественен...

– ...Друзья, только в естественности целостность личности. Только в естественности можно чего-то достичь. Все эти организации, религии, секты, общества.... Лишнее, лишнее все. Говорю как старый товарищ Никто....

– ...Петя-эзотерик, да, практик сильный. Но он не может стать Другом Свету, светлым, духовным – он все еще хочет власти, хочет наслаждений. Пусть при этом тысячу раз доказывает себе и нам свое «просто будь»...

Иван входит в проповеднический экстаз. Обняв меня и Олега-Гарсона за плечи, с жаром говорит:

– Мы же будем друг другу друзьями. Нам друг перед другом возвышаться незачем. Как в Евангелии – ныне не называю вас рабами, а называю вас друзьями.

– Друзьями света! – пламенно восклицает Гарсон.

– Да, – соглашается Иван, – Ассоциация Друзей Света. АДС. Мы теперь – АДС.

– Так будем же совершенны, как Отец наш Небесный, – с пафосом добавляю я.

И воцаряется тишина, великая тишина!

Молча покидаем пустырь. Молча идем на троллейбусную остановку. Почти без слов расстаемся с Олегом. Долгое время молча едем в троллейбусе с Иваном. Иван выглядит опустошенным.

Понимаю, такой фонтан энергии излить.

– Давно ты стал траву курить? – спрашиваю я Ивана.

– Ну, я её ещё подростком курил, раньше она везде росла. Потом бросил. Но это все малолетство. Ну а в этот раз, где-то месяца два назад. Как с Олегом познакомился. Через него и пришла трава.

– Да, Олег, кстати, младший брат Пети эзотерика.

– О, это можно было заметить, – говорю я. – Два брата, как кошка с собакой. Старший младшего – Гарсон. Это же что-то типа мальчика на побегушках?

– Типа того.

– Злой человек этот Петя. А что, он, действительно видит?

– Кое-что, – отвечает Иван. – Но ты не переживай. Его видение, как у всяких страстных людей, сильно обусловлено. Он видит какой-то узкий участок. Как змея.

– А насчет АДС, братишка, – не в тему добавляет Иван, – меня как осенило. То есть, это не от ума. Честное слово!

Я неопределенно пожимаю плечами.

– Понимаю, – говорит Иван, – время покажет.

Кирпич

Спустя две недели АДС собрался у меня на работе. Я к тому времени успел ещё раз попробовать Датуру. И был жестоко разочарован.

Несмотря на такую же дозу, растение не дало абсолютно ничего, кроме неприятных ощущений.

По иронии судьбы собрались на том самом отдаленном посту, где когда-то я первый раз принял Датуру. День был выходной, Геббельс ушел в отпуск. Никто и ничто не должно было помешать беседам Друзей Света.

Первым пришел Иван. Принес бутылку хорошего домашнего вина. Тут же принялись за дегустацию. К моменту прихода Олега уже больше полбутыля было приговорено.

Олег вина пригубил совсем чуть-чуть. Зато сразу же предложил курнуть.

– Отличная штука, никакое вино-водка не сравнится, божественный экстаз, – принялся меня уговаривать Иван (Гарсон поддакивал).

Я был пьян – поэтому согласился.

Впрочем, всё к этому шло! С Датурой неудача, медитация в последнее время не очень. Духовности во мне не прибавилось, ни на йоту – это хуже всего. Это меня просто убивает.

Такое ощущение, что еще глубже в грязь житейскую погрузился.

В самом деле, что я из себя тут строю аскета, чистюлю. Все это иллюзия и самообман. Ошо с Кришнамурти правы – надо жить естественно и спонтанно. Надо с благодарностью принимать все, что дает судьба.

В данный момент судьба дарит мне двух друзей – друзей света. А я тут, эгоист...

Покурили.

Первые несколько минут не происходило ничего. А потом, внезапно, я почувствовал острую ясность мысли.

Алкогольное опьянение сразу же отодвинулось на задний план. Мысли стали яркими, цветными и неуправляемыми. Неуправляемость мышления вызывало некоторую тревогу и беспокойство.

Резко обострились отдельные звуки. Где-то крикнула чайка (мне показалось, что возле самого уха); чайка издевательски засмеялась, точь-в-точь как человек. От этого смеха стало не по себе. Спина покрылась липким потом.

Я понял – основной внутренний дискомфорт вызывает тот факт, что я ни на чем не могу сосредоточиться. Мысли взбесились, несутся бурным горным потоком; и этот же поток уносит моё «Я». Каждое новое мгновение, каждую следующую секунду я не знаю, где окажусь. На этом ли свете, в этом ли уме, или уже нет.

Жить!

Я часто задышал.

Отвлекся, немедленно отвлекся от мыслей о том, что мысли неуправляемы, – внушал я себе.

Отвлекся!

Я прислушался к разговору своих друзей.

Иван морально «расстреливает» Витамина – циник, урод, недоучившийся биоэнергетик, обиженный мамочкой (надо ему книжечку «богородичников» дать почитать про «родовой поток», как раз его случай), невротик, параноик.

– Но этот парень начал видеть! – восклицает «второй» Иван.

– Видеть? – восторженно выдыхает Гарсон.

– Да, да, да, видеть! – Иван взмахивает руками, словно дирижирует невидимым оркестром, – этот урод, этот почти что юрод, начал видеть, видеть! А, что твой братик на это бы сказал?! Вот оно что значит: Дух дышит, где хочет! Друзья, нам надо обязательно посетить Витамина. Витамин – это оригинал.

– О, это редкостный поддон, – добавляет «первый» Иван.

...Редкостный поддон... оригинал... Витамин...

Ярко вспомнилась сцена моего знакомства с Витамином. Как будто это было несколько часов назад, а ни несколько лет!

ДК. Пьянка на втором этаже (только что отыграла последняя группа и всех музыкантов собрали в зале бальных танцев). Водка, лимонад «Буратино». И всюду запах блевотины, перегара и визг, визг... как в аду. И мне ужасно плохо. А потом я его увидел – длинная белая копна волос, зловещее лицо, рваные джинсы, кеды. Витамин истерично орет – сыграй «Русское поле экспериментов», сы-ы-ыгра-а-ай!!!

Визг, блевотина, сердцебиение...

Сердце готово выскочить из груди. Ужасная слабость. Ощущение тревоги ушло, но стало очень плохо, физически. Изо рта разит перегаром, и визг, невыносимый для ушей визг.

До меня доходит – это же визжат лебедки на порталных кранах. На той стороне пирса началась погрузка.

– Вадик, с тобой все в порядке? – спрашивает Иван. – Чего-то ты бледный.

– Ничего-ничего, – полушепчу я, – пригрузило немного. С непривычки. Я прилягу, вы общайтесь.

– Ты знаешь, и меня пригрузило, – Иван трет лоб, – что-то экзотика сильная... Нет, это

не трава, это гашиш!

– Центровая, – гордо говорит Гарсон, – эксклюзив.

– Да, только вот предупреждать надо. Мы ж не такие прикуренные...

Падаю на топчан, словно в омут ныряю. Очнулся оттого, что меня трясут Гарсон с Иваном.

– Как самочувствие? – спрашивает Гарсон.

– Ничего, нормально.

– Отдыхай, братишка, мы пойдем, – говорит Иван. – Тебе спасибо, и там, в столе, в ящичке, найдешь небольшой презент.

– Созвонимся, – говорю я и закрываю за ними дверь.

Да, как-то не очень получилась беседа у нашего АДС – думаю я..

Вроде бы лучше, но все равно слабость. Надо чуть еще отдохнуть.

Что это за гашиш был у Гарсона? Я пробовал коноплю, несколько раз, на тусовках – фигня фигней. Честное слово! Так, что-то прошумело в голове. Один раз пробило на ностальгические воспоминания. И все. Но чтобы так убить, как сейчас?! Какая все же материальная штука мысль, – подумал я и вновь провалился в небытие.

Пробудился в третьем часу ночи. Ожидал бодун или что-то в этом роде. Но нет. Состояние прекрасное, бодрое, необычное. Как тогда, после приема Датумы – да даже лучше!

Замечательно помедитировал, давно такой интенсивной энергии не чувствовал. По телу, особенно по правой стороне, приятными волнами шло тепло. И главное – проснулись творческие силы!

Пересмотрел старые записи. Кое-что поправил. Начал новую часть. Набросал описание своего первого приема дурмана.

Перед самой пересменкой вспомнил (хорошо, что вспомнил) о презенте. В ящичке, на самом дне, отыскал небольшой бумажный пакетик. Развернул. Так и думал, Гарсон оставил мне немного травы. А пахнет приятно, как ладаном. Пожалуй, как-нибудь курнем. Но только очень-очень аккуратно – затяжки три-четыре.

Витамина посетили в первых числах августа. Знойное лето сделало небольшую передышку. Почти сорокоградусная жара спала, прошли дожди – самое время ходить по гостям.

К Витамину пришли втроем – Я, Иван и Гарсон (все АДС). Открыли нам не сразу – несколько раз за дверью раздавался топот, приглушенные встревоженные голоса.

Иван пожал плечами:

– Чудит Витамин. Договаривались же.

Щелкнули замки, дверь медленно, как в голливудском фильме ужасов, поехала назад. Картина открылась следующая: по ту сторону двери на нас напряженно смотрела целая толпа незнакомого народа. Народ выглядел встревожено, если не сказать больше.

Неужели Витамин здесь больше не живет? – подумал я.

Раздался громкий, хорошо знакомый мне голос:

– Войдите, серые пятна!

Голос захохотал, ему вторил ехидный смешок.

Славно, все на месте! Голос принадлежит Кутерьме, а смешок Витамину. Только откуда у Витамина такая толпа.

– Друзья, нам можно войти? – очень вежливо спросил Иван. И сразу несколько человек выдохнули:

– Конечно.

А полноватая девушка с мутными глазами спросила:

– Вы же не из милиции?

– А что, похожи? – вопросом на вопрос ответил Гарсон.

– Особенно он похож, – сказал Иван, указывая на меня.

– Да, я из милиции, отдел по борьбе с наркотиками, – тряхнув длинными волосами, я почесал бороду.

В глубине квартиры взвыл от хохота Кутерьма.

Народ рассыпался, уступая нам дорогу. Кажется, они так до конца и не поверили, что мы не из милиции.

Проходим в комнату. На диване сидит незнакомый мне мрачный высокий юноша немного мешковатого вида. Рядом с ним худенькая длинноволосая девушка, в огромных очках. Девушка кажется мне смутно знакомой. Сняв очки, она щурится, разглядывает нас.

Вспомнил, где ее видел – да здесь же, у Витамина! Они вместе учились на биоэнергетических курсах. Возможно, и весь народ оттуда. Встреча выпускников, так сказать.

В комнате ощутимо пахнет коноплей. Теперь все ясно. Все эти люди обкурены.

Размахивая руками и делая еще массу ненужных движений, Витамин выкатывается нам навстречу, со стороны кухни. За ним, еще смеясь, идет Кутерьма.

Рассыпавшись в извинениях, Витамин несет чушь о каких-то личных сублимациях и экзистенциальном опыте постижения тонких энергетических субстанций. Ради чего здесь и собраны были эти люди. Которые сейчас уходят, уходят, уходят...

– Да, нам пора, – соглашается Кутерьма. Мешковатый высокий юноша и девушка в огромных очках тут же поднимаются с дивана.

– Мы на флэт к Графу, – сообщает Кутерьма и кивает в сторону юноши. – Будет желание, подходи.

– Непременно, непременно, так сказать, – отвечает Витамин.

Народ с шумом высыпает за дверь. Долго грохочет на лестнице, наконец, все стихает. Вздыхаем с облегчением.

Какое-то время непринужденно общаемся, что в компании с Витамином бывает нечасто. После ухода гостей Витамин становится задумчивым и тихим.

Да, гости действительно с его курсов по магии. За исключением, естественно, Кутерьмы и еще нескольких человек. Гости пришли внезапно. Оказывается, сегодня исполнилось полтора года с момента окончания курсов.

– Ну и как успехи, школу уже свою открыл? – спрашивает Иван.

Витамин весело машет рукой:

– Какая, блин, школа, какие успехи, о чем ты?!

Да, слава Богу, рокерское разгильдяйство победило искушение магией. Даже страшно представить, сколько бы здесь дров Витамин наломал.

В Витаmine проснулся недобитый рокер. Он бросил всю свою биоэнергетику и устроился работать в котельную.

Витамин поет несколько новых песен, сочиненных в котельной, – что-то о раненном звере, который тащил свое тело на гору, о юродивом, который все идёт, но никак никуда не придет.

Иван песни хвалит, говорит Витамины, что он слишком рано проснулся. Он стал видеть раньше, чем готов видеть. Ну, то есть, принять правильно увиденное (если я правильно понял Ивана).

Как ни странно, Витамин совсем не спорит. Он берет гитару, хочет ещё что-то спеть, но тут Гарсон предлагает покурить.

Гарсон не в восторге от песен Витамина. Насколько я слышал, Гарсон вообще рок не любит, он слушает джаз.

Покурили.

Уже зная силу гарсоновской травы, я предусмотрительно делаю три больших и одну маленькую затяжки. Остальное докуривают без меня.

Гарсон разливает зеленый чай. Иван предлагает почитать писания мира – пусть это будет доброй традицией АДС.

Гарсон читает Бхагавадгиту. Уже действует трава. Приятное опьянение совмещается с

обостренным потоком мыслей. Перед глазами яркие картинки – битва на Курукшетре, боевые слоны и колесницы, пыль сражения и беседа Кришны с Арджуной...

Что-то происходит с Витамином. Он смотрит в одну точку на стене. На его лице улыбка пятилетнего ребенка; он явно не здесь.

Гарсон прерывает чтение. Иван проводит рукой перед лицом Витамина:

– Ау, очнись! Что ты там увидел? Там кирпичик на стене? Кирпичик? Что, еще один кирпичик? Кирпичик панк-рока, да?!

Витамин не реагирует никак.

– Там два кирпича и у них гнездо, – добавляет Гарсон, все смеются.

Обкуренный Иван начинает развивать тему кирпичиков дальше. И тут Витамин шевелится. Оглядывает нас всех взглядом, которого я у него никогда не видел. Во взгляде какая-то почти вселенская скорбь и необычная глубина. Иван тут же умолкает.

– Да, я негодаю, – говорит Витамин как бы сам себе, – я подонок, кирпич. Да, я кирпич, кирпич!

Витамин плачет. Мы молчим, словно пораженные громом.

Язык мой, враг мой

– Как ты думаешь, Витамин действительно видел Матерь Божью? – спрашиваю я входящего Ивана.

– А почему бы нет, – удивляется Иван. – Обратил внимание на его глаза? Глаза просветленного! Играть так невозможно... Да, я думаю, Витамин видел. Возможно, это круто поменяет его жизнь.

– Витамин, кто такой Витамин? – в дверях появляется Петя-эзотерик. Действие происходит у него дома.

Пока Иван ходил за вином, Петя-эзотерик смотрел мои тонкие тела.

Кстати, а я в прошлой жизни был тибетским монахом. (Кем же ещё – все мы оттуда, с Гималаев!)

Так что, этим меня Петя-эзотерик не удивил, сейчас так все прорекают. Никто не хочет быть в прошлой жизни обычным рабочим человеком с забытой Богом российской глубинки. Никто не хочет быть простым работягой. Всем подавай романтическую биографию..

Да, ещё я занимался мелкой торговлей.

Монах-торговец. Интересно. Кажется, Иван что-то подобное изрекал. В общем, все предсказуемо.

Пожалуй, вот что интересно – в прошлой жизни я в чем-то обидел (или обижал) женщин (или одну женщину – эзотерик видел нечетко). А в этой – буду писать книжки.

А вот насчет самих тонких тел как-то не отложилось в голове. Помню только, что мои тонкие тела смотрятся гораздо лучше физического, прибитого алкоголем, наркотой и богоискательством.

Вот ещё, про эфирное тело: мол, оно полностью повторяет физическое, точнее, наоборот... Ха, да я это и так из Розы Мира знаю...

В общем, чушь все, многословие. Опять жалею, что сюда пришел.

Кстати, как там все-таки Витамин?

Петя-эзотерик нервно трет середину лба. (Неужели он завидует Витамину?)

– Важно не само видение, – изрекает эзотерик, – важно, что у тебя внутри изменилось, важно выйти из обусловленности ума.

Ну вот, все чудо эзотерик испортил.

– Я думаю, что ваш друг, будучи в возбуждённом состоянии ума, видел просто картинку ума, из книжки, которую он читает и которая его глубоко, кармически задела.

– Что за книжка? – спрашиваю я.

– Ты что, забыл, – отвечает Иван, – книжка. Точнее, даже две: «Богородичный Центр».

– Богородичный Центр? Ах, да, это где Береславский, – соглашаюсь я.

– Почему ты не можешь предположить, что Витамину, скажем, как грешнику, явилась именно Мать Божья. Разве Она не вправе являться кому пожелает? – спрашивает Иван эзотерик-Петю.

– Вправе, – невозмутимо говорит эзотерик, – но я не могу это обсуждать, я не вижу здесь смысла.

– То есть?

Эзотерик отхлебнул вина, изящным движением провел по стенке бокала.

– Меня не интересует, кто и что являлось вашему Витамину. Я вижу одно... И в тебе, Иван, и в Вадике проснулась христианская обусловленность. А это все тот же ум. Все тот же тупик.

– То есть, ты хочешь сказать, у Витамина были банальные игры ума? – спросил я.

– Я хочу сказать, – Петя-эзотерик сделал паузу и снисходительно улыбнулся, – Вадик, не обижай женщин и ещё пиши книги. Хорошие книги...

Вновь в гостях у Витамина. Не видели его недели три. У Витамина незримые, но глобальные изменения. Даже воздух в его жилище, кажется, стал другой.

На этот раз мы вдвоем – я и Иван. Гарсон должен подойти позже. Звоним.

Дверь открывается и оттуда выпархивает крепкая, коротко-стриженная женщина, лет тридцати. На женщине мешковатая темно-синяя юбка до пят.

Мило улыбаясь, женщина простреливает нас беглым взглядом и скрывается на лестнице.

Появляется Витамин. Машет рукой – заходите.

Вид у него мечтательный, даже грустный. Совсем не тот Витамин, которого мы все знаем!

– Ты в порядке, не помешали? – спрашивает Иван.

– Нет, нет, – Витамин трясет головой, будто стряхивает наваждение.

Заходим. И здесь изменения.

В коридоре, со стены, смотрит маленький Кришна. Только не синий, «ортодоксальный», а белый, как все мы. Младенец мило улыбается и как будто благословляет нас своей маленькой пухлой ручкой.

Странный образ. Никогда не видел, что бы Кришна кого-то благословлял, как христианский святой.

– Это Богомладенец Иисус, – говорит мне Витамин, проследив за моим взглядом.

– А-а-а, – понимающе киваю головой.

– А эта женщина, что была у тебя, с Богородичного Центра? – спрашивает Иван.

– Да, – просто отвечает Витамин, – сестра Кристина, с Парковой 28... Ну, там находится церковь Божьей Матери.

– Витамин, – Иван делает дебильное выражение лица, – мы, конечно, рады, но ты уж слишком сильно в небо не беги. Всё постепенно, постепенно... Сейчас Гарсон подъедет.

– Что ты, чувак, – восклицает Витамин, – подозреваете, что я стал фарисеем. В Богородичном Центре полная свобода. Так что, пусть едет...

Вот и Гарсон. Удивленно смотрит на Богомладенца Иисуса.

– Откуда у тебя Кришна? Я такой образ нигде не видел.

– Это не Кришна, – отвечает Витамин с улыбочкой, – это Богомладенец Иисус.

– Богомладенец Иисус?! А разве есть такой образ? Это из какой церкви?

– Из какой церкви? – Витамин внезапно становится хмурым, – какая разница из какой, разве это суть важно.

– Секрет фирмы, да? – допытывается Гарсон.

– На вопросы праздного блядского духа не отвечаю, – вдруг выдает Витамин.

– Как, как ты сказал?! Какого духа?! – Гарсон хохочет.

– Витамин. Какая муха тебя укусила? – спрашивает Иван. Может, нам лучше уйти.

– Нет-нет, – с мукой в голосе восклицает Витамин, – это я так, сублимирую... Чай

будете?

Сидим на кухне. Витамин заваривает чай.

– Очень хороший образ, – говорю я. – Богомладенец Иисус похож на Кришну. Да. Дай Бог, чтобы этот образ сработал на соединение Запада и Востока, христианства и индуизма.

– Дай Бог, – подхватывает Иван. – Аминь!

Витамин резко разворачивается в нашу сторону.

– Я вас всех люблю, – говорит он, – простите.

Удивленно разглядываем Витамина.

– Да-да, конечно, мы, это, тоже, – бормочет Иван.

– Может, того, – подмигивает Гарсон.

– Да, конечно, – почти одновременно говорим мы с Иваном.

Курим.

Трава немного слабее, чем была до этого. Гарсон говорит – новый урожай. Иван предлагает читать вслух священные книги. Библию, Коран, Бхагавадгиту. По одной главе с каждой книги.

Однако ни Корана, ни Бхагавадгиты, ни даже Евангелия у Витамина не оказывается.

Витамин читает нам отрывок из книги Береславского. Что-то про агаппы любви. О Высшей Любви сказано хорошо, нет слов. Ну, вот какое-то двойственное чувство у меня от всех его книг.

Великая Любовь, что подобно дождю падает на добрых и злых – это прекрасно! Но, скажите мне, причем тут проклятые попы из Московской Патриархии и нечестивые матери!

Попили чай. Ещё курнули. Второй раз «зацепило» хорошо.

Витамин опять меняется в лице. Причем, в худшую сторону. Лицо приобретает зловещий оттенок – как тогда, когда я его первый раз увидел на «крокодилах».

– Гарсон, чашечку чая! – громко говорит Витамин.

– Я не Гарсон, я Олег.

– Ха, не Гарсон, – хихикает Витамин, – Гарсон, Гарсон. И братец твой масон, а мама – блядский дух.

Витамин истерично хохочет:

– В рифму, блин, в рифму.

– Ты дурак, Витамин, – на удивление спокойно отвечает Олег-Гарсон. – Полный дурак. И знаешь, почему? Потому что не управляешь своим злым языком. Витамин: язык твой, враг твой. Запомни. Язык твой, враг твой.

– Друзья, – примирительно говорит Иван, – пойдёмте в комнату, какую-нибудь музыку медитативную послушаем.

Идем в комнату. Витамин остается на кухне.

– Ну, дурак, – бормочет Гарсон, сам роется в кассетах Витамина, ищет медитативную музыку.

И тут с кухни несется жуткий вопль. Топот. Витамин влетает в комнату. Глаза у него наполнены ужасом. Левой рукой он держит свой высунутый язык, правой машет так, словно отбивается от роя ядовитых невидимых насекомых.

– У-у-у-у! – воеет Витамин.

Мы вскакиваем. Никто ничего не понимает. Витамин воеет, от его воя становится жутко. Происходящее напоминает нереальную фантазмагорию, дьяволиаду.

– Братишка, что с тобой, ответь? – Иван растерянно бегаёт вокруг скачущего и отчаянно машущего рукой Витамина.

Гарсон приходит в себя первым:

– Это измена, – говорит он, – галлюцинация. Нужна холодная вода. Где тут ванна?

– Справа от кухни, – отвечаю я.

Гарсон бросается в ванну. Появляется с небольшим пластиковым ведром в руке.

– Держите его.

Мы с Иваном держим Витамина за плечи. Витамина мелко трясет. Гарсон льет ему воду на лицо, на голову.

Витамин медленно приходит в себя. Смотрит на нас детскими удивленными глазами, словно впервые видит. Начинает с нами здороваться за руку.

– Что с тобой было? – допытываемся мы.

– Язык...

Едва Витамин произносит это слово, как все начинается по-новой: жуткий вопль, танцы с высунутым языком, круглые от ужаса глаза. (Позже Гарсон скажет, что Витамин был похож в этот момент на пляшущую индуистскую богиню Кали.)

Ташим Витамина в ванную. Отливаем. Витамин приходит в себя. Опять со всеми здороваются. Проходит в комнату и даже садится на диван.

Про язык уже не спрашиваем. Витамин даже пытается шутить, хотя лицо у него блее мела. Вроде бы все нормально. Вдруг Витамин опять хватается за свой язык, вскакивает с дивана.

Всё начинается по-новой.

Приступы с языком повторяются ещё несколько раз. Пока Витамин полностью не приходит в себя.

Придя в себя, он долго сидит на диване, молчит, а затем начинает просить прощения у Олега-Гарсона. У всех нас.

– Язык мой, враг мой, – говорит Витамин. – Так и оказалось. Простите меня. Простите меня за всё. Мне больше нельзя курить. Это знак свыше. От Небесной Матери.

– Друзья, давайте как-нибудь посетим Богородичный Центр, – предлагает Иван.

«Боги»

«Богородичный Центр» так и не посетили. Но состоялась почти двухнедельная вылазка на природу.

Случилось это в сентябре. Стояла прекрасная, нежаркая, солнечная погода – бархатный сезон.

Целых одиннадцать дней жили на даче Гарсона и Пети-эзотерика (дача досталась братьям в наследство от родителей). В небольшом, почти безлюдном дачном поселке – живописное место!

Поселок расположен на невысоких пологих холмах, прямо над излучиной неширокой, но очень чистой реки. С одной стороны к дачам подбирается обширная сосновая (преимущественно) лесопосадка, целый лес! По другую сторону целинная холмистая степь. Степь до самого моря!

Нет, более удачного места для эзотерических практик, в наших краях не найдешь! Имито, практиками, мы и занялись. Я давно столько не медитировал. Мы даже постились.

И постоянно курилась трава (даже во время «сухого» поста, что дало обостренное ощущение обезвоживания). Трава, как мне казалось, немного сбивала «медитативную волну».

Медитация приносила уму покой, трава, наоборот, его постоянно «взрывала». Возникало ощущение некой странной неестественной раздвоенности.

Но я верил – ещё одна успешная медитация, ещё один «косяк» – и я увижу, увижу, как бесшумно расходится завеса обыденного мира.

По ту сторону завесы меня ждет нечто очень важное. То, что от века предназначено только мне, то, что ждет меня за особой потаенной дверью. Такие двери сторожат границы нашего мира. И такая же дверь есть внутри каждого из нас. Я её почти вижу!

Осталось повернуть ручку, войти. Стать духовным человеком. Стать видящим. Но для этого мне нужна очень сильная медитация или особый «косяк» травы.

Как же я завидовал Гарсону и Ивану! Я видел их целостными существами. Они курили, смеялись, медитировали, постились – и всюду были одними и теми же.

Особенно целостен был Гарсон. Он как ребенок радовался жизни, читал свою вечную Бхагавадгиту, купался в реке, восхищался здешней природой и заразительно хохотал.

На пару дней к нам приезжал Петя-эзотерик. Он так же был весел, шутил (позже выяснится причина его веселости – ему удалось расколоть общину Николая, часть людей перешла к нему, часть ушла к «богородичникам», с Николаем остались только самые преданные люди).

С Петей-эзотериком много говорили об обусловленности ума традициями и религиями. Кажется, только сейчас стал понимать; быть полностью свободным от своего ложного эго, от своей обусловленности – это и есть быть богом.

Быть богом не значит обладать сверхъестественными способностями. Нет.

Быть богом – это Быть, а не просто прожигать жизнь. Быть в каждом моменте жизни – любить, так любить, горевать, так горевать, радоваться, так радоваться. Все по-настоящему, все в полноте, без идеологических и религиозных клише.

Быть богом до невозможного просто! Надо только помнить: мы боги, но пали и сделались людьми. И забыли, что боги...

Петя-эзотерик уехал, а мы ещё успели совершить романтическую поездку за травой. Гарсон где-то раздобыл старенький дребезжащий «Запорожец». Выехали на нем в бескрайние поля. Долго плутали, но то, что искали, нашли. И не один куст.

А в последний день нашего уединения со мной случилась жесточайшая передозировка. Две трети собранного нами оказалось непригодным к курению, обычным сорняком. Гарсон ухитрился наварить с этой массы особый продукт, называется «молоко».

Им-то мы с Иваном и «убились». Особенно я. Только Гарсону было хоть бы что.

Таких психических мук, такого метафизического ужаса мне ещё ни разу не доводилось переживать. Было очень плохо, и самое страшное, казалось, конца этому не будет никогда.

Вещи происходили неопишуемые. В моей голове звучали одновременно несколько монологов и диалогов. Я почти сходил с ума, моё «я» распадалось на мелкие осколки. И всё это сопровождалось оглушительным хрустом и звоном, который я реально слышал.

Ураган взбесившихся хаотических мыслей захватил меня, как порыв ветра захватывает опавшую сухую листву. Я проваливался в черные бездны. От моего «я» оставалось только мерзкое чувство тошноты и ужаса.

Чтобы не сойти с ума, я стал лить воду из стоящего в коридоре ведра прямо себе на голову. Вылив почти целое ведро, немного пришел в себя. Тут появился Гарсон. Увидев нас, он быстро всё уразумел. Поташил меня и Ивана на речку.

Погрузившись в прохладные струи реки, я полностью очнулся. Но стоило мне выйти на берег и минут пять посидеть, как «оно» начиналось снова. На этот раз мне казалось, что мое тело горит изнутри почти нестерпимым огнем.

Впрочем, это уже было легче – ужас почти отпустил, ум почти вошел в свои берега, а нестерпимый жар легко утоляла река.

Вечером тронулись в город. Долго шли по трассе. Автобусов не было, а попутку поймать не удавалось. Шли почти молча. Необычайная тишина, покой и мир царили в моей душе, после всего пережитого. Похожее состояние испытывали и мои попутчики. Хотелось тихо и беззвучно плакать от беспричинного счастья.

Все с начала

В конце октября получил письмо от Яны. В начале даже не поверил – ошибка, галлюцинация. Но нет, я держал в руках самый настоящий конверт. На конверте был питерский адрес и её имя и фамилия. Письмо было адресовано мне! Мне!

В единое мгновение письмо всколыхнуло бурю ностальгических воспоминаний – она не забыла обо мне. Значит... значит какие-то чувства есть. Иначе к чему письмо.

Пламя затухшей было любви к Яне, вспыхнуло во мне с новой силой...

Яна-Яна, моя безутешная односторонняя любовь. Прошло три с половиной года с тех пор, как я тебя впервые увидел. На рок-фестивале «весенние крокодилы».

Полтора года продолжались наши бурные (и в тоже время никакие) отношения. Несколько раз признавался тебе в любви, предлагал совместную жизнь, но ты оставалась неприступной, хотя и не холодной.

И все же, через тебя ко мне пришла книга «Роза Мира», так повлиявшая на моё мировоззрение. Через тебя пришло мое первое духовное переживание, мой первый опыт. Но моя любовь так и осталась безответной.

А потом ты уехала в Сибирь. Первый год я только и думал о тебе. И всё же твой образ стал постепенно тускнеть. Время неумолимо. Я занялся «расширением» своего убогого сознания. Мне было не до воспоминаний. И вот...

Письмо распечатывал дрожащими (без всяких кавычек) руками. Распечатал. Прочитал. Прочитал ещё раз. И ещё.

Письмо оставляло после себя двойственное чувство. Оно было коротким. Яна сообщала, что они осели в Питере, с Сибирью не вышло, правда, последнее лето провели там. Сообщала, что в ближайшее время собирается посетить родные пенаты. Как приедет, мне позвонит.

Пой да пляши! Но, увы, плясать было не с чего.

Тон письма был в высшей степени прохладный. Яна постоянно подчеркивала, что у неё своя жизнь и свои планы. И всё это на новом месте жительства. А что было здесь, в родном городе, ей смешно вспоминать.

Странно, «своя жизнь, свои планы» – зачем же тогда писать мне? Ладно, всё решится на месте.

Я стал ждать. Я убедил себя, что письмо она прислала не просто так. Это такой необычный ход. Всё движется к переходу наших отношений на новый уровень. Я это интуитивно чувствую!

Наши кармические узлы почти развязаны... Может быть, я даже перееду жить в Питер к ней?!

Меня затопили сладостные надежды. Но Яна всё чего-то не ехала. Прошел ноябрь, декабрь, пролетел Новый Год. Было уже начало февраля, когда мне позвонил Витамин. Он сказал, что вчера видел в городе Яну.

Как?!!

Немедленно звоню ей. Да, она берет трубку. Увы. Прием довольно холодный. Зря только себя накручивал. Какие-то «отмашки» – вчера только приехала, очень устала, пишу реферат...

И всё же смилостивилась! Готова меня принять послезавтра, вечером. И на том спасибо. Беру у Гарсона немного «экзотики», мчусь к ней.

О, как же она похорошела! Какой стала женственной. Мягкой, манящей, зовущей, поющей, дающей все блага и плоды земли..... (куча, куча слов и эпитетов, и всё ни про то).

Ясно одно: разговоры о том, что в прошлой жизни мы были запорожскими казаками, а в этой в женских телах по ошибке – теперь не «канают». Яна всячески подчеркивает свою женственность.

Пьем кофе. Курим «экзотику».

Из меня хлещет поток слов. Рассказываю ей о своих эзотерических идеях (мы все боги, но пали и сделались человеками), своих практиках, медитациях, Датуре, выходе из тела, Витамине, Гарсоне.

Яна слушает заворожено. Лёд её отношения ко мне тает. Становится всё теплее и теплее. Она даже просит прощения, сначала абстрактно, у всего человечества, что, мол, много кого обидела; потом – конкретно у меня.

Я даже растерялся.

Яна тут же предлагает вместе сходить куда-нибудь. А ещё лучше, если рядом будут мои

друзья. Она наденет своё лучшее платье.

Никогда в жизни не видел её в платье.

Два часа ночи. Иду домой пешком, нет, не иду, лечу, едва касаясь земли. Целые синклиты ангелов поют в моей душе.

На следующий день к Ивану. Оттуда к Витамину (туда же подъезжает и Гарсон).

Решено. Идем все вместе в театр.

– На следующей неделе хороший спектакль, – заявляет Гарсон.

– А ты откуда знаешь? – спрашиваю я.

Оказывается, у него хороший знакомый осветителем сцены работает. Так что Гарсон в курсе театральной жизни нашего города.

В назначенный день «Х» – его дождался с огромным трудом – я и Яна неспешно подходим к театру...

Легкие зимние сумерки. Легкий морозец. Тихо. С неба плавно опускаются крупные снежинки.

Мерцают синеватым отливом декоративные фонарики на фасаде театра. В глубоком полумраке – колонны с античными богами и богинями. И мы с Яной словно боги.

Я в длинном плаще, без шапки – длинные волосы серебрятся на фоне падающих снежинок. Она в роскошном зимнем пальто. Тоже без шапки. Ослепительные каштановые волосы мягко отливают золотом, влажно сияют большие глаза, на лице загадочная полуулыбка... Богиня. Воистину богиня!

Бог и богиня.

Тихо падает снег, тихо поют ангелы:

Мы божественны, когда естественны.

Мы божественны, когда любим.

У входа в театр нас сдержанно приветствуют «Друзья Света», Витамин и две незнакомые девушки с ним.

Витамин ехидно хихикает и говорит, что мы выглядим великолепно. Мне только остается научиться ходить по воде, что б удовлетворить свою богиню.

Витамин сегодня прежний, «добогородичный». Признаюсь, это даже радует.

Первый акт. Каким-то непонятным образом оказываюсь ни с ней. Рядом со мной две девушки, что были с Витамином. А сам Витамин рядом с Яной.

Как такое могло произойти?! Мистика!

Сволочь, что он ей там рассказывает? Пусть расскажет, как прыгал с высунутым языком.

После первого акта в буфет. Всех спонсирует Гарсон, у Гарсона появились деньги. Выпиваем, закусываем. Второй акт я уже с ней. С богиней.

– Витамин тебе про свой высунутый язык рассказывал?

– Да, именно об этом и говорил, – смеется Яна.

Самокритичный парень – думаю я.

После спектакля стоим возле выхода из театра. Ждем Гарсона.

– Вадик, познакомь меня со своей девушкой, – просит Иван.

Наступает очень неприятная для меня сцена. Яна удивленно оглядывается по сторонам, как бы в поисках «моей девушки».

– Какая девушка? – спрашивает Яна. – Я? Я не его девушка. Я просто с ним. Я здесь в гостях.

Иван дипломатично кивает головой и переводит разговор на другую тему.

Под моими ногами чуть качнулась земля. И смолкли хоры ангелов, сразу стало холодно и сыро.

«Точка сборки», как сказал бы Кутерьма, рухнула с божественного состояния в состояние «ниже плитуса».

Идем всей толпой к Витаминому. Оказывается, сегодня у него день рождения. Я и не знал. Яна опять о чем-то беседует с Витамином. Я плетусь, убитый горем, в хвосте.

Хочется стать тибетским монахом. Свободным от какой-либо любви к

противоположному полу.

Тут же вспоминаются слова Пети-эзотерика про то, что в прошлой жизни я обижал женщин. Понятно, теперь отдача. Но от этого не легче.

– Выше голову, братишка, – хлопает меня по плечу Иван.

– Как тебе Яна? – спрашиваю я.

– Красива. Но очень о себе высокого мнения. Брат, её надо завоевать, покорить. Это непросто. Но не переживай. Мы тебе аккуратно будем помогать.

У Витамина начинается форменная пьянка. Я быстро пьянею: давно не пил. Вокруг меня мелькает куча народа, всё в тумане. Все стараются соединить меня с Яной.

Медвежья услуга. Лучше б они это не делали. Яна всё порывается ехать домой, естественно – без меня. Однако всякий раз Витамину как-то её удается удержать.

В то же время две девушки, что были в театре с Витамином, в открытую «строят мне глазки». Я несу какую-то ересь про тантрический секс. Ну и само собой про то, что мы боги.

Все мне дружно поддакивают. Кто-то возражает, мол, не боги, а продукт эксперимента инопланетян; инопланетяне нас сюда доставили с Сириуса.

Данная версия отвергается всеми и с ходу, как еретическая.

День рождения Витамина превращается чуть ли не в нашу свадьбу. Вот только богиня явно не в духе. Богиню тошнит.

Посиделки у Витамина кончаются тем, что каким-то образом Гарсону удается вызвать такси и отправить нас вдвоем домой к Яне.

Я уже был ужасно пьян. Смутно помню, что вроде как куда-то ехали в машине. А потом, действительно, стояли у неё в коридорчике, целовались. Я что-то опять о тантрическом сексе говорил. Да, это последнее, что помню.

– Вставай, бог, – разбудил меня утром недовольный голос Яны. – Посмотри, что ты натворил. Блин, какой позор. И что с этим делать, вечером придут гости.

– Что? – я с трудом разлепляю ссохшиеся губы. Ощущение реальности приходит постепенно.

Итак, я все-таки у неё. Прекрасно! Надо срочно реабилитироваться. Но что там произошло?

– Яна, что произошло?

– Ты ещё спрашиваешь, потрогай постель! – почти кричит Яна.

Трогаю постель, она мокрая. Зловещая догадка пронзает мозг.

– Мокрая, – говорю я.

– Да, мокрая, – мрачно подтверждает Яна, – божество обмочилось в моей постели. Блин, это всё, что мы можем. Ну, на фига мне всё... – недоговорив, Яна быстро уходит на кухню.

Вот и всё. Конец. Конец всему. Какая жестокая расплата!

Произошла непредставимо постыдная вещь. Сколько пил, никогда нигде не мочился. И тут оно произошло и где. Где!!! В постели у любимой женщины. Вот это удар судьбы!

Нет, это конец.

Если даже каким-то чудом обратить весь постыдный случай в шутку (ведь не убил же никого, ну, подумаешь, описался, как маленький мальчик) – все равно, конец, конец всем моим иллюзиям и планам.

Богиня.

Я едва не завыл с горя.

Больше всего на свете мне сейчас хочется провалиться сквозь землю. Пронзить все преисподние миры. И выпасть из галактики прочь. И где-то на другом конце Вселенной начать своё существование с полного нуля...

Да, я начну всё с начала.